

Полідович Ю.Б.

ПСАЛИИ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С ЗООМОРФНЫМ ОФОРМЛЕНИЕМ

Реферат: Статья посвящена конской узде предскифского времени, декорированной зооморфными мотивами. Выделяется серия псалиев в виде целой фигурки лошади, а также украшенных ее головой или копытом. Такие изделия происходят из разных регионов Евразии – Италии, Центральной Европы, Кавказского региона, Ближнего Востока, Луристана и, возможно, Тувы. Одновременно в предскифское время появляются псалии, концы которых оформлены в виде голов хищника, хищной птицы, барана. На наш взгляд, появление зооморфных псалиев в Кавказском регионе и Евразийских степях можно считать зарождением местной традиции, которую следует рассматривать в общем русле становления евразийского зооморфного искусства, тесно связанного с новой обрядовостью и новым образом жизни. Псалии входили в снаряжение коня, посвященного умершему. Их декор, по всей видимости, должен был магическим образом либо усилить силу коня, либо придать ему свойства, не характерные его природе.

Ключевые слова: предскифское время, псалии, конь, звериный стиль, Кавказский регион, Луристан.

Декоративное оформление конской узды доскифского времени связано, прежде всего, с использованием геометрических композиций. Это характерно как для наиболее ранних щитковых и желобчатых псалиев эпохи конца средней – начала поздней бронзы, так и для трехдырчатых стержневидных псалиев эпохи поздней бронзы. Именно псалии долгое время выполняли в узде главную декоративную функцию, поскольку помимо функционального назначения являлись важным информативным элементом наружного оформления уздечки [Вальчак 2009, с. 76].

Предскифские бронзовые псалии иногда украшались различными рельефными выступами [Вальчак 2000; 2009, с. 74-77], а костяные – геометрическим орнаментом [Тереножкин 1961, рис. 63, 1; Колотухин 1982, рис. 4, 1; Вальчак, 2009, рис. 42, 6-8; 43, 2, 14, 15]. Со временем в комплект узды также включаются разнообразные бляшки и обоймы, имеющие гладкий круглый щиток или же украшенные геометрическим орнаментом. Это различные крестовидные композиции, вписанные в круг, четырехлепестковые розетки, композиции с ромбом с вогнутыми сторонами, вписанным в круг, кольца, круги и разнообразные спирали. Наиболее пышно оформленные конские уборы верховых коней происходят из Зольного кургана близ г. Симферополь (Крым) и Носачевского кургана в Поднепровье [Тереножкин 1976, рис. 17, 3-8; 45, 26-33].

Одновременно в предскифское время появилась новая тенденция в декоре псалиев, связанная с зооморфизмом. Именно в это время появляются первые зооморфно оформленные псалии, прежде всего, выполненные в виде фигурок лошадей или дополненные лошадиными головками или конскими копытами.

Между тем, вероятно, первым псалием, на котором были бы изображены лошади является щитковый псалий, найденный на поселении *Нижняя Красавка-II* (Нижнее Поволжье) покровской культуры начала эпохи поздней бронзы. На дисковидном щитке псалия вокруг центрального отверстия нанесен уникальный орнамент свастического типа (триквестр), где окончания трехлучевого элемента украшены стилизованными конскими головами [Лопатин 2010, с. 141, рис. 9, 13] (рис. 1, 1). Данная композиция уникальна и прямые аналогии ей не известны. Триквестры в целом использовались в изобразительности народов степной и лесостепной полосы Евразии достаточно редко [см., например: Бородавский, Бородавская 2009].

А одним из самых древних среди предскифских псалиев с изображением коней являются 2 пары бронзовых псалиев, найденных в комплексе из *Штильфрида* в Нижней

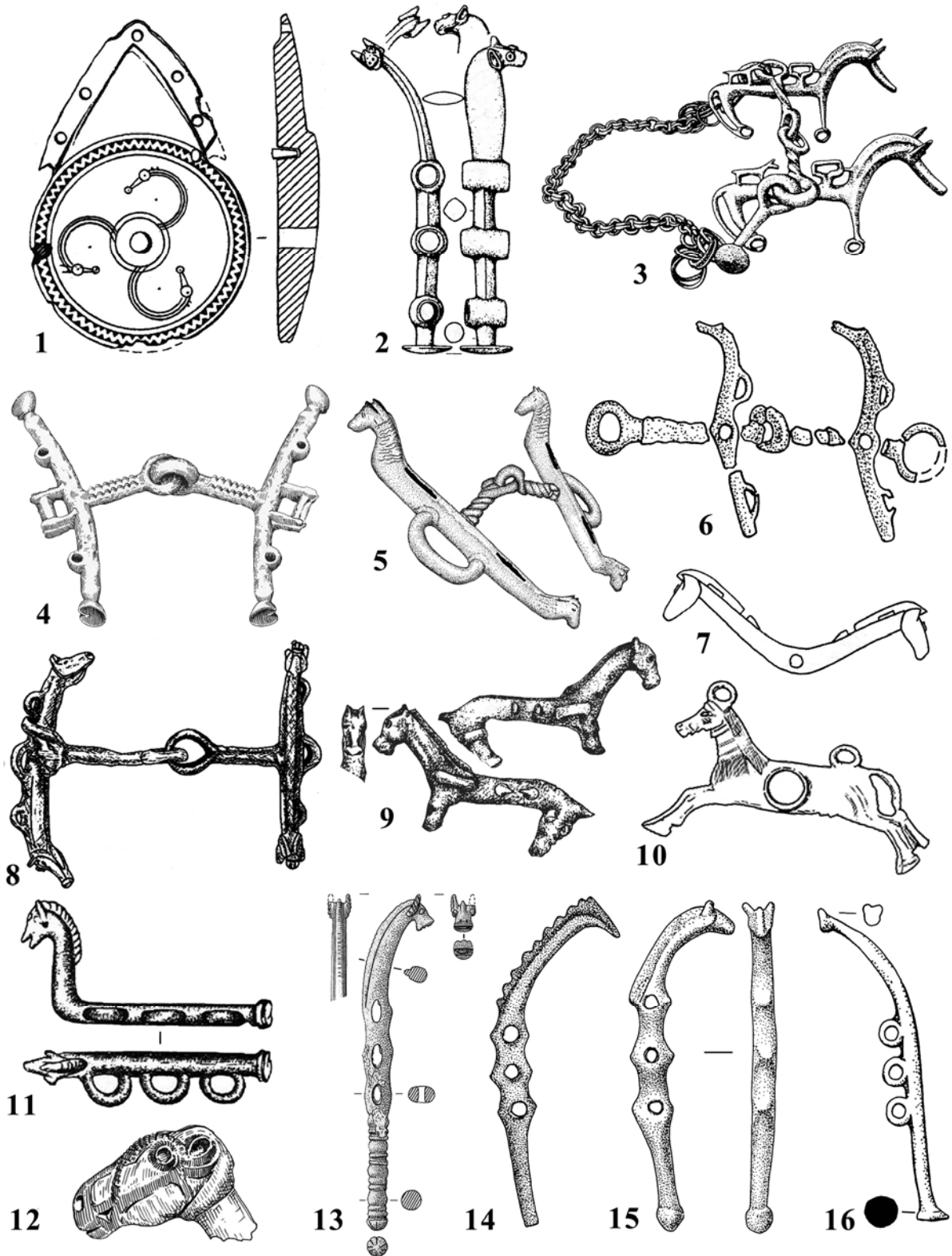

Рис. 1. Псалии с изображениями коней: 1 – поселение Нижняя Красавка-II, Нижнее Поволжье [по: Лопатин 2010]; 2 – Штильфрид, Нижняя Австрия [по: Kaus 1988/89]; 3 – Ветулония, Северная Италия [Chochorowski 1993]; 4 – Уйгарак к. 26, Приаралье [по: Вишневская 1973]; 5 – Алтынтепе, гробница 3, Турция [Иванчик 2001]; 6 – Трели-II п. 16, г. Тбилиси [по: Иванчик 2001]; 7 – курган Сарычобан, Нагорный Карабах [Джафаров 1993]; 8 – Верхнекобанский мог-к, Кавказ [по: Вальчак 2009]; 9 – Псекупский мог-к п. 90, Прикубанье [по: Ловлаче 1985]; 10 – о. Самос [по: Moorey 1974]; 11 – Клин Яр-III п. 14, р-н Кисловодска [по: Дударев 1991]; 12 – Аржан, Тува [по: Грязнов 1980]; 13 –

Северо-Западный Иран, коллекция Британского музея [по: Curtis, Kruszyński 2002]; **14-15** – Северо-Западный Иран [по: Иванчик 2001]; **16** – Хаджох к. 2, Адыгея [по: Сазонов 2000]

Fig. 1. Cheek-pieces with images of horses: **1** – Nizhnyaya Krasavka-II, Lower Volga region; **2** – Stillfried, Lower Austria; **3** – Vetulonia, Northern Italy; **4** – cemetery Uygarak, barrow 26, Aral region; **5** – sepulchre 3, Altyn-tepe, Turkish; **6** – cemetery Trely-II, burial 16, city Tbilisi; **7** – barrow Sarychoban, Nagorno-Karabakh; **8** – Upper Koban cemetery, Caucasus; **9** – Psekups cemetery, burial 90, Kuban region; **10** – Samos; **11** – Klin Yar-III, burial 14, near Kislovodsk; **12** – barrow Arzhan, Tuva; **13** – Northern-West Iran, collection British museum; **14-15** – Northern-West Iran; **16** – barrow 2, cemetery Khadjokh, Adygea

Австрии [Kaus 1988/89, p. 253, pl. 2, 8-11; Chochorowski 1993, rys. 2, 12] (рис. 1, 2) и датируемых периодом НВЗ [Kaus 1988/89, p. 255-257]. Они имеют типичную для предскифских изделий форму стержня с тремя поперечными муфтами и шляпкой на одном конце. Другой же конец оформлен в виде небольшой лопасти, которая переходит в искусно выполненную звериную (лошадиную?) головку. Данный комплекс найден в контексте культуры урновых полей, что позволило ряду исследователей его рассматривать как составную часть данной культуры, а сами псалии определить как автохтонные [Pittioni 1954, s. 826]. Однако псалии данного типа известны как в Центральной Европе, так и на Северном Кавказе и в степях Восточной Европы [Козенкова 1975, с. 58-59; Вальчак 2009, с. 59-62]. Кроме того, в состав комплекса входили бронзовые удила и бронзовые уздечные бляхи, характерные и для восточноевропейских памятников предскифского времени [Kaus 1988/89, pl. 1-2]. Центральноевропейские находки трубчатых псалиев выделяют в самостоятельный трансильванский тип [Werner 1961, s. 386-389], происхождение которого одни исследователи определяют как кавказское [Gallus, Horvath 1939, s. 64, 65], другие – как местное [Nestor 1933; Pittioni 1954, s. 826]. При том, что большинство трубчатых псалиев с тремя поперечными муфтами, происходящие из Центральной Европы, были изготовлены на месте [Козенкова, 1975, с. 59], их появление здесь так или иначе было связано с контактами (миграциями?) с Северным Кавказом, которые прослеживаются на самых разных материалах, в том числе и металлопластике [Козенкова 1975; Эрлих 2007, с. 130-131; противоположная точка зрения: Вальчак 2009, с. 60]. В этом же русле, вероятно, следует рассматривать и псалии из Штильфрида, который, возможно, показывает, что европейские типы псалиев предвосхищают и опережают “ту тенденцию, которая приведет в степях к появлению скифских видов псалиев” [Романчук 1999, с. 266]. Это связано, прежде всего, с зооморфным оформлением псалиев, характерным именно для скифских изделий, и фактически так и не “прижившихся” в Центральной Европе. Поэтому можно считать вполне обоснованным мнение о появлении зооморфного мотива на трубчатых псалиях как результате контактов населения Подунавья с племенами Северного Кавказа в период предполагаемых миграций VIII-VII вв. до н. э. [Werner 1961, s. 386-389; Козенкова 1975, с. 65; Metzner-Nebelsick 2010, p. 133].

Серия псалиев в виде полнофигурных скульптурок коней (тип *Cerveteri* по F.-W. von Hase [1969]) происходит из *центральной и северной Италии* из памятников культуры Вилланова. Скульптурки очень схематично передают фигуру коня, на спине которого крепится 2 боковых петли, из которых расположенная на крупе имеет форму еще более схематично воспроизведенной лошади; в ряде случаев имеется центральное отверстие (рис. 2, 3). Данные псалии сочетаются с двухзвенными удилами с витым стержнем и кольчатым окончанием, к которому крепится дополнительное звено. Псалии либо напускные, либо накладные. По совокупности признаков, данный тип псалиев сопоставляют с “луристанскими бронзами” [von Hase 1969, s. 9] и соотносят с горизонтом киммерийских древностей в Средней Европе [Chochorowski 1993, s. 77]. Возможность данного сопоставления, в частности, подтверждается серией находок бронзовых изделий (фибулы, статуэтки, шлем), имеющих прямые аналогии в апеннинских культурах VIII-VII вв. до н.э., на территории Западной Украины [Бандрівський, Крушельницька 2012, с. 90-93].

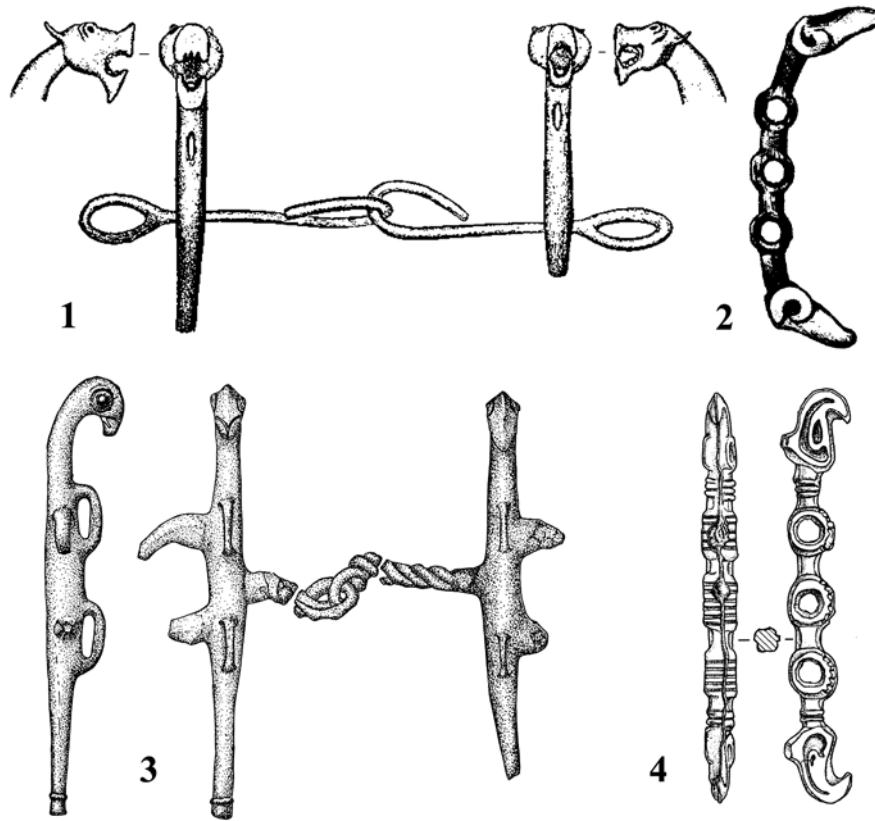

Рис. 2. Псалии с изображениями различных животных: 1 – гробница 35, Адайдонский мог-к, Кавказ [по: Чшиев 2011]; 2 – погр. 5, мог-к Чишхо, Прикубанье [по: Сазонов 2006]; 3 – гробница 3, Алтынтепе, Турция [по: Иванчик 1999]; 4 – погр. 39, Кубанский мог-к, Прикубанье [по: Вальчак 2009]

Fig. 2. Cheek-pieces with images of different animals: 1 – sepulchre 35, Adaydon cemetery, Caucasus; 2 – burial 5, cemetery Chishkho, Kuban region; 3 – sepulchre 3, Altyn-tepe, Turkish; 4 – burial 39, Kubanskiy cemetery, Kuban region.

Наибольшее же количество псалиев предскифских типов, имеющих зооморфное оформление, происходят с Кавказского региона.

Прежде всего, это цельнолитой уздечный комплект из *Верхнекобанского могильника* (из собрания А.С. Уварова) [Уварова 1900, рис. 31; Иессен 1953, рис. 26; Вальчак 2009, с. 38, 62, рис. 12, 2] (рис. 1, 8). Комплект состоит из двухзвенных удил с кольчатым внутренним окончанием. Внешние окончания представляют собой симметричные трехпетельчатые псалии с завершением концов в виде конских головок. В древности один из псалиев был отломан. При ремонте на конце звена было долито кольцо, которое охватило тулово псалия между центральной и одной из крайних петель. По мнению многих исследователей, верхнекобанский уздечный комплект является изолированным в северокавказском регионе, однако близок по ряду черт к закавказско-иранской (луристанской) традиции. Для нее характерны и зооморфное оформление псалиев, и сам тип жесткоскрепленной узды, именно поэтому верхнекобанские псалии принято считать либо переднеазиатским импортом, либо подражанием ему [Вальчак 1996; 2009, с. 62; Белинский, Вальчак 1998, с. 155; Иванчик 2001, с. 196].

Однако отмечаемые в качестве аналогий закавказско-иранские (луристанские) изделия [Вальчак 1996, с. 32, 33; 2009, с. 62; Иванчик 2001, с. 196] иные по системе крепления удил и псалиев (неразъемные подвижные), а соответственно иные по структуре (с отверстием в центральной части и, как правило, изогнутые), их окончания оформляются, в основном, в виде львиных головок (группа III по J.A.H. Potratz и P.R.S. Moorey) [Moorey 1971, p. 122,

fig. 5)]¹. Таковыми являются, например, изделия из коллекции Королевского Музея искусства и истории в Брюсселе [Древности страны лури 1992, кат. 222], частной коллекции Mahboubian Family [Mahboubian 1997, p. 116, cat. 93] и другие находки [Иванчик 2001, рис. 94, 5-6]. К тому же жесткоскрепленные комплекты считаются типологически более поздними по сравнению с неразъемными подвижными (напускными), которые датируются концом IX – ранним VIII в. до н.э. [Moorey 1971, p. 122]; появление же первых относят к VIII – началу VII вв. до н.э. [Медведская 1983, с. 61-64; Иванчик 2001, с. 180-190].

Известны и собственно луристанские псалии, оба конца которых оформлены в виде головы лошади. Они также соединены в неразъемном и подвижном соединении с псалиями, имеют изогнутую, почти V-образную форму, с центральным отверстием и симметрично расположенными лошадиными головками (кроме того использовались и другие образы) [Muscarella 1988, cat. 252; Древности страны лурув 1992, кат. 225; Mahboubian 1997, p. 108, 109, cat. 79]. Подобные псалии найдены в кургане *Сарычобан* в Нагорном Карабахе [Джафаров 1993, рис. 7, 1; Погребова 2011, табл. XLIV, 4] (рис. 1, 7).

Иные варианты жесткоскрепленной узды с псалиями, оканчивающимися зооморфными головками, встречаются чрезвычайно редко. Вероятно, одним из исключений являются находки из *гробницы 3 Алтынтепе* в Турции, датирующиеся рубежом VIII-VII вв. до н.э. [Иванчик 1999; 2001, с. 203-208]. Здесь найдено 6 разнотипных наборов конской узды. Среди них – 2 экземпляра близких между собой удила, цельнолитых с псалиями, окончания которых были украшены протомы животных: коней с одной стороны и быков – с другой (рис. 1, 5). Сами псалии по конструкции представляют собой определенный синтез урартских и закавказско-иранских традиций [Иванчик 2001, с. 203-204; рис. 100, 4-5]. Еще один комплект – также удила с жесткоскрепленными псалиями, которые вверху оканчиваются головкой орла, а внизу – копытцем [Иванчик 2001, с. 205, рис. 100, 2] (рис. 2, 3).

Уздечные комплекты с жесткоскрепленными удилами и псалиями найдены в Приаралье в кург. 26 могильника *Уйгарак* [Вишневская 1973 табл. VIII, 5] и в кург. 55 могильника *Южный Тагискен* [Толстов, Итина 1966, рис. 8, 5; Итина, Яблонский 1997, рис. 47, 9]. Здесь удила имеют стремечковидное окончание, а оба конца псалиев оформлены в виде копыт (рис. 1, 4). Считается, что приаральские комплекты с данным креплением удила и псалиев возникли, скорее всего, под воздействием юго-западных соседей на основе переработки собственного типа уздечных принадлежностей [Итина, Яблонский 1997, с. 56; Иванчик 2001, с. 203]. Их датируют достаточно архаичными временем – либо началом раннескифского времени, т.е. VII в. до н.э.² [Толстов, Итина 1966, с. 161; Итина, Яблонский 1997, с. 56, 67], либо даже предскифским, определяя *terminus post quem* рубежом IX-VIII вв. до н.э. [Иванчик 2001, с. 203], хотя подобная дата является слишком заниженной.

В определенной степени названным луристанским изделиям близки псалии, найденные в погр. 16 могильника *Трели-II* в г. Тбилиси в Грузии и датируемые, по последним данным, рубежом IX-VIII или началом VIII вв. до н.э. [Abramishwili 1995; Иванчик 2001, рис. 92, 44-45, 51-55]. Из данного комплекса происходит 15 комплектов узды, в которой удила и псалии находятся в неразъемном подвижном соединении, но различаются между собой типологически. Из них 5 комплектов имеют псалии с центральным отверстием и двумя боковыми петлями, расположенными, однако, как бы с внутренней стороны изогнутого стержня (в отличие от луристанских изделий), и в верхней части украшенные головкой лошади (рис. 1, 6). Р. Абрамишвили, автор раскопок, высказал предположение, что погр. 16

¹ Вместе с тем, отметим близость оформления петелек на верхнекобанском и луристанских псалиях: они не кольцевидные, как это характерно для большинства северокавказских и причерноморских псалиев (например: [Вальчак 2009, рис. 8]), а дуговидные. Подобные петельки встречаются и на других кобанских псалиях [например: Вальчак 2009, рис. 9, 3].

² О.А. Вишневская [1973, с. 123], принимая такую дату для тагискенского комплекса, уйгаракский отнесла к VI в. до н.э., прежде всего, на основании датирования железного кинжала с бабочковидным перекрестием из погр. 26.

оставлено киммерийцами или скифами [Abramischwili 1995, p. 32-33], хотя, по мнению А.И. Иванчика, степные элементы в этом погребении отсутствуют, и инвентарь (в том числе и псалии) имеет вполне закавказский, в частности, урартский облик [Иванчик 2001, с. 190]. Однако, опять же, ни один псалий данного типа, происходящий с территории собственно Закавказья и Урарту, не украшен изображением лошадиной головки.

Среди находок на Северном Кавказе выделяется пара трехпестельчатых псалиев в виде полнофигурного изображения лошадей найденная в *погр. 90 Псекупского могильника* протомеотской культуры [Ловпаче 1985; Эрлих 2007, с. 126-127, рис. 27; 43, 4] (рис. 1, 9). Данные псалии напоминают знаменитые луристанские изделия.

На территории Луристана (Западный Иран) в первые века I тыс. до н. э. бытовало несколько типов напускных зооморфно оформленных псалиев, в том числе в виде целой фигурки животного, антропоморфного существа или даже сюжетных сцен [Potratz 1966; Calmeyer 1969; Moorey 1971, p. 120-125; Древности страны луров 1992, с. 37-38; др.]. Наиболее ранние луристанские псалии в виде схематичной фигурки лошади (и других животных, в частности горного козла) являются по форме бантовидыми и датируются по изображениям на рельефах ассирийского царя Ашшурнасирапала II (883-859 гг. до н.э.) [Moorey 1971, p. 120-121; Muscarella 1988, cat. 251; Ванден-Берге 1992, с. 37; Mahboubian 1997, p. 90, cat. 58]. Более поздние псалии в виде полнофигурного изображения лошади были достаточно распространенными [Porada 1962, pl. 21, 1; Muscarella 1988, cat. 253, 254; Mahboubian 1997, cat. 82-87; др.] и известны в т.ч. по изображениям на ассирийских рельефах времени Синаххериба (704-681 гг. до н.э.) [Porada 1962, pl. 21, 2; Moorey 1971, p. 123; Medvedskaya 1988, fig. 1, 4; Ванден-Берге 1992, с. 38]. Вместе с тем, следует отметить, что при определенном подобии луристанских псалиев данного типа изображенным на рельефах, они различны. Луристанские изделия представляют, прежде всего, фигуру идущей лошади (или иного животного), всегда ограниченной снизу узкой планкой, вероятно, обозначающей линию земли. В то время как ассирийские рельефы воспроизводят скачущую лошадь как бы в свободном полете. Серия подобных псалиев в виде фигурки лошади найдена на Самосе [Janzen 1972, taf.61; Moorey 1974, fig. 2, 7] (рис. 1, 10). Не исключено, что они представляют собственно ассирийскую традицию использования зооморфных псалиев.

Однако, псекупские псалии подобны луристанским только в общих чертах, поскольку они воспроизводят совершенно иной стилистический образ [см. о нем: Дударев 2002] и имеют совершенно иную систему крепления с удилами.

В *погр. 14 могильника Клин Яр-III* (район Кисловодска) найдены бронзовые трехпестельчатые псалии, загнутый длинный конец которых воспроизведен также в виде фигурной головки и шеи лошади [Дударев 1991, табл. 22] (рис. 1, 11). Данные псалии уникальны, аналогии им пока не известны [Иванчик 2001, с. 247].

Кроме того, серия трехпестельчатых псалиев *типа Баксан-Филипповская* (по типологии С.Б. Вальчака [1997, с. 96, рис. 12, 5-7; 2009, с. 72, рис. 80; 81]) имеет оригинальное исполнение лопасти, размещенной в верхней части, которое напоминает изображение копыта. Возможно, стилизацией под копыто являются и окончание трехпестельчатых псалиев *типа Фарс-14* [Вальчак 2009, рис. 76, 4].

В позднейшем предскифском комплексе *кургана 2 могильника Хаджох* (Адыгея) найдены 2 пары стержневидных трехпестельчатых псалиев, загнутый конец которых оформлен в виде конского копыта [Сазонов 2000; Эрлих 2007, с. 126] (рис. 1, 16). Характерно, что формой и размером изображение конского копыта близко изображению копыт на бляшках из I Ульского кургана 1910 г. [Эрлих 2007, с. 126], а сами псалии по форме являются “прямым прототипом железных трехпестельчатых псалиев келермесского времени” [Сазонов 2000, с. 46]. В целом, псалии данного типа с зооморфным оформлением характерны уже для раннескифского времени. Наиболее ранними из них являются изделия из ст. Подгорной и I Говердовского кургана [Эрлих 2007, с. 126]. На таком же переломе предскифского и скифского периодов находятся и трехмуфтовые псалии типа “Уашхиту–

Жаботин” (по В.Р. Эрлиху), окончания которых в нескольких случаях также оформлены в виде конского копыта. Так, если комплекс из кургана у хут. Алексеевский (Ставрополье), где найден подобный псалий [Иессен 1954, с. 118, рис. 7; Вальчак 2009, рис. 67, 4], относят к позднему предскифскому периоду [Иессен 1954, с. 118; Ковпаненко 1981, с. 128], переходному “от классического новочеркасского периода к раннескифскому” [Эрлих 2007, с. 130] или “древнейшему скифскому” [Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994, с. 60], то курган 2 группы II у с. Медвин и погребение 1 кургана 6 у с. Яснозорье (Приднепровье) датируются уже второй половиной – концом VII в. до н.э., т.е. началом раннескифской эпохи [Ковпаненко 1981, с. 111, 127-128, рис. 61, 8; Ковпаненко и др. 1994, с. 56, 59-60, рис. 6, 3; Эрлих 2007, с. 130]. В собственно раннескифскую эпоху изображение конского копыта на нижнем окончании псалия стало одним из главных мотивов оформления псалиев, прежде всего, роговых и костяных.

Серия бронзовых трехдырчатых псалиев, украшенных в верхней части головой или протомой коня, происходит из случайных находок в Северном или Северо-Западном Иране [Bomford 1966, pl. V, 36; Иванчик 2001, рис. 101, 2, 3, 6, 7; Curtis, Kruszyński 2002, fig. 47, 191]. Стилистически они все разные, голова – либо с приостренной мордой (рис. 1, 14-15), либо, напротив, с массивной, как бы обрезанной (рис. 1, 13). Главным признаком является воспроизведение гривы, без обозначения которой видовая принадлежность изображенного животного практически не определяется [Иванчик 2001, рис. 101, 2, 4, 6]. Типологически близкие псалии, но без зооморфного оформления, найдены в Малом кургане в Мильской степи [Тереножкин 1971, рис. 1, 1] и слое IV Хасанлу [Muscarella 1988, p. 65, Nr. 94; Медведская 2005, рис. 1, 1-2]. Близки к ним и псалии из погр. 15 могильника Сиалк В, но отверстия на них более раздвинуты [Медведская 2005, с. 109]. В целом данная группа псалиев, вероятно, датируется концом VIII – третьей четвертью VII вв. до н.э., т.е. финалом предскифского – началом раннескифского времени [Curtis, Kruszyński 2002, p. 82, 84; Эрлих 1994, с. 68; 2007, с. 127-128].

Таким образом, все рассмотренные псалии предскифского времени, оформленные с использованием образа лошади (полнофигурное изображение, протома, голова или только копыто), по своему являются уникальными и не имеют прямых аналогий ни в Закавказье, ни в Западном Иране. Хотя, при этом, они имеют и некоторые общие черты в воспроизведении лошадиной головки с гривой [Дударев 2002]. Именно поэтому, на наш взгляд, их появление можно считать зарождением местной традиции зооморфного оформления псалиев.

Из Северного Кавказа происходит еще ряд находок, выполненных с использованием зооморфных мотивов, но не являющихся изделиями кобанского искусства. К предскифскому времени относятся зооморфные навершия жезлов, найденные как на Северном Кавказе, так и в Средней Европе [Chochorovsky 1993, rys.15; Эрлих 1990; 2007, с. 112-114, рис. 166], а также навершия с фигуркой оленя из ст. Махашевской [Иессен 1953, с. 60-62], северокавказские стелы, на которых были нанесены изображения животных [Членова 1984, рис. 2-4], бронзовая пряжка-пронизь с клювовидным выступом из Каменноостского могильника [Терножкин 1976, рис. 76, 5] и другие находки. Упомянем также декорированные стилизованными птичьими головками золотые накладные пластины из кургана у с. Квитки в Правобережном Поднепровье [Ковпаненко, Гупало 1984, рис. 11, 6]. С точки зрения стилистики, все перечисленные изображения не образуют единой системы, почти каждое из них индивидуально по исполнению. Однако все они являются свидетельством зарождения новой изобразительной и ритуально-мифологической традиции, расцвет которой приходится уже на раннескифское время. На наш взгляд, появление зооморфно оформленных псалиев в предскифское время также следует рассматривать в общем русле зарождения евразийского зооморфного искусства, тесно связанного с новой обрядовостью и новым образом жизни. Характерно, что все зооморфно оформленные псалии, бытовавшие в дальнейшем на Северном Кавказе, выполнены в скифской (в широком смысле этого термина) традиции.

Еще одним свидетельством общевразийской тенденции в зарождении новой традиции в оформлении конской узды могут быть находки из тувинского кургана Аржан, дата и вещевой комплекс которого соответствуют предскифским комплексам Северного Причерноморья. Это роговой наконечник в виде головы коня [Грязнов 1980, с. 26, рис. 15, 1-3] (рис. 1, 12), возможно, являющийся частью составного псалия [Грязнов 1980, с. 26; Смирнов 2005, с. 82-83, табл. 4, 8-9]³, оригинальные костяные псалии, выполненные из нижней челюсти лошади [Грязнов 1980, с. 26, 50, рис. 30, 9], и различные подвески из челюсти коня и его резцов [Грязнов 1980, с. 26].

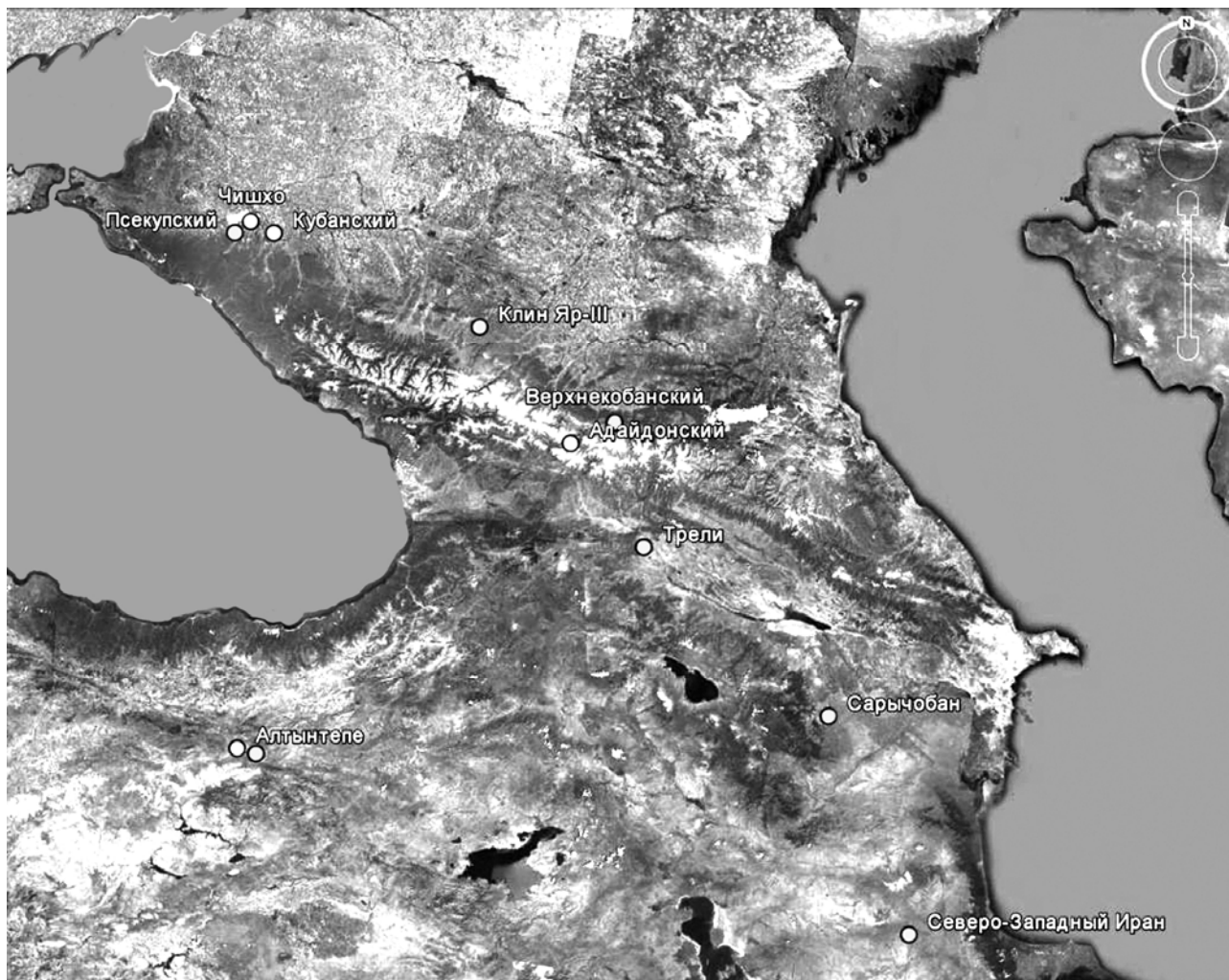
Вместе с тем, возможность сопоставления предскифских северокавказских и раннескифских зооморфно оформленных псалиев с луристанскими, позволила М.Н. Погребовой и Д.С. Раевскому предположить, что скифская традиция зооморфного оформления псалиев сформировалась под воздействием переднеазиатской и, в частности, луристанской [Погрехова, Раевский 1992, с. 134-135]. Однако общим между скифской и луристанской (или шире – западноиранской) традициями является только сам принцип зооморфного оформления псалиев. Во всем остальном эти традиции сильно различаются. Отличался набор образов, воспроизводившихся на псалиях, и совсем разным было само их стилистическое воплощение. Эта разница, на наш взгляд, позволяет предполагать близость двух традиций не в культурно-художественном отношении, а в культурно-мифологическом. Параллели между изобразительным искусством скифского мира и Луристана, а также иных регионов Западного Ирана не ограничиваются только лишь системой оформления псалиев, они более широки. Равно как и объяснение существования этих параллелей уже давно стало предметом дискуссии в скифологии [см., например: Погребова, Раевский 1992 с. 74, сл.; Курочкин 1992]. Основой же этих параллелей, безусловно, может быть определенная этническая близость евразийских кочевников и некоторых народов Западного Ирана, их принадлежность к иранскому этносу в широком понимании этого определения. Отсюда, на наш взгляд, и возможно предположить конвергентную реализацию близких по сути мифологических представлений и образов в конкретных пластических формах.

С другой стороны, можно предположить и формирование некоей надэтнической всаднической традиции, связанной с эпизодическим использованием псалиев с зооморфным оформлением. Об этом говорит большой территориальный разброс находок (рис. 3), их изобразительное разнообразие и включение в контекст различных культур. Вместе с тем, данный процесс происходил хронологически в близкое время и мог быть обусловлен активностью степных кочевников, присутствие которых в большей или меньшей степени засвидетельствовано во всех упомянутых регионах.

Появление первых зооморфно оформленных псалиев с изображением лошади по времени соотносится со становлением у степных народов традиции сопогребения коня, с оформлением мифологических взглядов о коне как главном перевозчике умершего в мир мертвых. Такой конь, несомненно, должен был обладать и некими дополнительными

³ П.И. Шульга [2008, с. 27] предположил, что данное изделие являлось “навершием плети (?)”. Его мнение было поддержано и Ю.Н. Смирновым [2012, с. 430]. Однако с этим трудно согласиться. Плети предскифского и скифского времени известны как по находкам, так и по изображениям на каменных изваяниях и предметах торевтики [Бородавский 1987; Фиалко 1993; Дубовская 1997; Мозолевский, Полин 2005, с. 335-340; Шульга 2005; 2008, с. 50-52, рис. 74]. Среди них известны и плети с зооморфным оформлением. Это находки, из кург. 2 Башадарского могильника [Руденко 1960, рис. 143, а-б; табл. L, 1] и кург. 10 Берельского могильника [Базарбаева 2008, с. 126, рис. 4, 5-7] в Горном Алтае и, возможно, из Быстринского могильника в Алтайском крае [Завитухина 1966; Шульга 2008, рис. 74, 17] и в Бердянского кургана в Приазовье [Фиалко 1993; Мозолевский, Полин 2005, с. 338-339]. Во всех случаях в оформлении плети были использованы изображения хищников, что вполне объяснимо: плеть – орудие, причиняющее коню боль, страдание. Тем самым использование плети с изображением лошади в таком контексте не подтверждается ни общескифской традицией, ни семантическим наполнением данного предмета.

свойствами, отличными от обычных коней. Возможно, первым шагом в осмыслении новой мифологемы было придание коню силы и мощи, усиленной при помощи декора конской узды изображениями коней. Семантический аналог таким действиям содержится, на наш взгляд, в “Ши-цзин”, оде Чжун Шань-фу, наставнику чжоуского государя Сюань-вана, правившего в 827-721 гг. до н. э. (т.е. времени, соответствующему предскифскому периоду в Евразийских степях), в которой при упоминании колесничих коней употребляются особые сдвоенные эпитеты, призванные, вероятно, магически усилить мощь этих животных: *“Жертву приносит Чжун духам дороги: на ней / Крепких из крепких четверка могучих коней. ... Мощные, мощные кони четверкою в ряд, / Восемь на них колокольчиков звоном звенят. ... Сильными, сильными были четыре коня”* [Ши-цзин 1972, с. 97].

○ - псалии с изображениями животных

Рис. 3. Распространение псалиев с изображениями животных в предскифское время

Fig. 3. Circulation of the cheek-pieces with the animals images in the Pre-Scythian time

Вместе с тем, в предскифское время одновременно с псалиями, декорированных изображениями коней, появляются и псалии, концы которых оформлены в виде голов других животных (рис. 3). Это уже упоминавшиеся псалии, находящиеся в жестком скреплении с удилами, из гробницы 3 Алтынтепе в Восточной Турции (рис. 2, 3). Вверху они оканчиваются головкой орла, а внизу – копытцем. Такой способ оформления псалиев являлся типичным для раннескифского периода и, как правило, использовался при изготовлении данных изделий из рога и кости.

Комплект удила, жесткоскрепленных с псалиями, украшенных на концах зооморфными головками, происходит из заполнения канала Герайона на о. Самос и датируется последней четвертью VIII-VII вв. до н.э. [Janzen 1972, taf. 61, B95; Иванчик 2001, с. 204, рис. 98-99]. Их окончания оформлены в виде головок баранов.

В гробнице 37 кобанского Адайдонского могильника найдены псалии S-видного типа в неразъемном сочетании с двухчастными подвижными удилами, характерными для комплексов IX-VIII вв. до н.э. Передней Азии и Закавказья [Чшиев 2011, с. 167-168, рис. 3] (рис. 2, 1). Верхний конец псалиев оформлен в виде голов хищников (собак?), имеющих иконографические аналогии в местной изобразительной традиции [там же].

Бронзовый трехдырчатый псалий, концы которого оформлены в виде головок хищной птицы происходят из погр. 39 протомеотского Кубанского могильника в Прикубанье [Анфимов 1975, с. 45, рис. 3, 6; Вальчак 2009, рис. 53, 2] (рис. 2, 4). А в погр. 5 могильника в ур. Чишхо найдена пара трехдырчатых псалиев, близких кубанскому, которые заканчивались изображением головки барана [Сазонов 1998, с. 114; 2006; Эрлих 2007, с. 128] (рис. 2, 2).

Эти предметы, а также предметы из кабаньих клыков, которые также появляются в предскифское время, по всей видимости, должны были придать посмертному коню свойства, не характерные его природе, превратить его из обычного земного коня в некое мифологическое существо, способное преодолеть нелегкий путь в мир мертвых со всеми его препятствиями и опасностями. Образы таких существ или же коней, обладающих сверхъестественными свойствами, достаточно часто встречаются в мифах, волшебных сказках и эпосе. Прежде всего, это крылатые кони, представления о которых были широко распространены у многих индоевропейских народов, в том числе и иранских [Кузьмина 1977; Беленицкий 1978]. Придание же посмертному коню на ритуальном уровне свойств птицы вполне могло достигаться путем изображения ее на псалиях, как это и произошло в случае с изделиями из Кубанского могильника и Алтынтепе. Кроме того, в позднейшее предскифское время в составе уздечки появляются и металлические пронизи в виде объемного зооморфного изображения, напоминающего коготь, клюв, головку хищной птицы, которые принято называть клювовидными. Они известны по находкам в комплексах Северного Кавказа (комплекс 1921 г. Каменноостовского могильника, кург. 41 могильника Клады) и Закавказье (Брили, Абано, Тейшебаини) [Эрлих 1994, с. 108].

Таким образом, под влиянием изменяющихся мифологических представлений и становления новой ритуальной практики в предскифское время появляются и первые псалии, оформленные с использованием изображений животных. Прежде всего, таковыми являются псалии с изображениями лошадей, на наш взгляд, отражающие первоначальную мифологию, связанную с посмертным конем. Но почти одновременно с ними появляются и псалии с изображениями других животных – птиц, баранов и хищников. В дальнейшем, уже в раннескифское время, количество псалиев с зооморфным оформлением возросло в сотни раз [Полидович 2004]. При этом изображались самые различные животные, в т.ч. на первых этапах скифского периода продолжали использоваться и изображения лошадей.

Полідович Ю.Б.

ПСАЛІЇ ПЕРЕДСКІФСЬКОГО ЧАСУ ЗІ ЗООМОРФНИМ ОФОРМЛЕННЯМ

Статтю присвячено кінській вузді передскіфського часу, декорованій зооморфними мотивами. Виділяється серія псаліїв у вигляді цілої фігурки коня, а також псаліїв, прикрашених його головою чи копитом. Такі вироби походять з різних регіонів Євразії – Італії, Центральної Європи, Кавказького регіону, Близького Сходу, Луристану і, можливо, Туви. Одночасно у передскіфський час з'являються псалії, кінці яких оформлено у вигляді голів хижаків, хижого птаха, барана. На наш погляд, поява зооморфних псаліїв у Кавказькому регіоні та Євразійських степах була пов'язана із зародженням місцевої традиції, яку слід

розглядати у загальному річищі становлення євразійського зооморфного мистецтва, тісно пов'язаного з новою обрядовістю і новим способом життя. Псалії входили до спорядження коня, присвяченого небіжчику. Їхній декор, вірогідно, мав магічним чином або посилити силу коня, або надати йому надприродних властивостей.

Ключові слова: передскіфський час, псалії, кінь, звіриний стиль, Кавказький регіон, Луристан.

Polidovych Yu.B.

THE PRE-SCYTHIAN CHEEK-PIECES DECORATED WITH ZOOMORPHIC MOTIFS

This paper is devoted to the Pre-Scythian horse bridle decorated with zoomorphic motifs. The series of cheek-pieces which have the shape of the whole horse figure, its head or a hoof are released here. These items come from different regions of Eurasia such as Italy, Central Europe, the Caucasus, the Middle East, Lorestan and possibly Tuva. The cheek-pieces which ends were decorated as a predator, a bird of prey or a sheep were appeared at that time too. It seems the appearance of zoomorphic cheek-pieces in Caucasus and Eurasian steppes was connected with the origin of indigenous tradition that should be considered as the part of Eurasian zoomorphic art formation. Cheek-pieces were included in a harness of the horse belonged to the dead. Probably, their décor had to strength the horse magically or to give it unusual properties.

Keywords: Pre-Scythian time, cheek-pieces, horse, animal style, Caucasus, Lorestan.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Анфимов Н.В. Новый памятник древнемеотской культуры (могильник у хут. Кубанского) / Н.В. Анфимов // Скифский мир. – К.: Наук. думка, 1975. – С. 35-51.

Базарбаева Г. К изучению зооморфного кода древних кочевников Казахского Алтая / Г. Базарбаева // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи: Сб. мат-лов МНК. – Астана: ПЦК РК, 2008. – С. 121-133.

Бандрівський М. Золоті Михалківські скарби та їх доля / М. Бандрівський, Л. Крушельницька. – Львів: Ліга-Прес, 2012. – 242 с.

Беленицкий А.М. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии евразийских степей в древности и раннем средневековье / А.М. Беленицкий // КСИА. – 1978. – Вып. 154. – С. 31-39.

Белинский А.Б. Оригинальная группа предскифских уздечных комплексов Северного Кавказа: европейские и закавказские параллели / А.Б. Белинский, С.Б. Вальчак // МИИХНСК. – Вып. 1: Археология. – Ставрополь, 1998. – С. 151-166.

Бородовский А.П. Плети и возможности их использования в системе вооружения племен скифского времени / А.П. Бородовский // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С.28-39.

Бородовский А.П. Триквестры скифского времени Северного Алтая / А.П. Бородовский, Е.Л. Бородовская // АЭАЕ. – 2009. – № 4. – С. 51-56.

Вальчак С.Б. Два уникальных уздечных комплекта кобанской культуры из собрания ГИМ / С.Б. Вальчак // Тезисы докладов Отчетной сессии ГИМа по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991-1995 гг. – М., 1996.

Вальчак С.Б. Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплекты с трехпетельчатыми псалиями (классификация и хронология) / С.Б. Вальчак // Древности Евразии. – М., 1997. – С. 88-105.

Вальчак С.Б. Основные мотивы орнаментации уздечных принадлежностей юга Восточной Европы в начале раннего железного века / С.Б. Вальчак // Скифы и сарматы в VII – III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. – М., 2000. – С. 138-144.

- Вальчак С.Б.** Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на юге Восточной Европы / С.Б. Вальчак. – М.: Таус 2009. – 292 с.
- Ванден-Берге Л.** Луристанские бронзы (классификация и типология) / Л. Ванден-Берге // Древности страны лурув. Каталог выставки. – СПб., 1992. – С. 33-49.
- Вишневская О.А.** Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э.: по материалам Уйгарака / О.А. Вишневская. – М.: Наука, 1973. – 160 с.
- Грязнов М.П.** Аржан. Царский курган раннескифского времени / М.П. Грязнов. – Л.: Наука, 1980. – 64 с.
- Джафаров Г.Ф.** Курган эпохи поздней бронзы вблизи Сарычобана / Г.Ф. Джафаров // РА. – 1993. – № 4. – С. 191-205.
- Древности страны лурув.** Каталог выставки / Состав. Л. Ванден-Берге. – СПб., 1992. – 126 с.
- Дубовская О.Р.** Плеть как атрибут предскифских погребений / О.Р. Дубовская // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы (Материалы и исследования по археологии России). – М., 1997. – С. 57-61.
- Дударев С.Л.** Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром / С.Л. Дударев. – Грозный, 1991. – 154 с.
- Дударев С.Л.** Об одной малоазийско-северокавказской археологической параллели VIII-VII вв. до н.э. / С.Л. Дударев // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.): матер. междунар. конф. – Тирасполь, 2002. – С. 216-218.
- Завитухина М.П.** Курганы у с. Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) / М.П. Завитухина // АСГЭ. – 1966. – Вып. 8. – С. 61-77.
- Иванчик А.И.** Конская узда из урартской гробницы в Алтынтепе (Восточная Турция) и проблемы хронологии раннескифской культуры / А.И. Иванчик // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н.Гракова). – Запорожье, 1999. – С. 111-114.
- Иванчик А.И.** Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени / А.И. Иванчик. – М.: Палеограф, 2001. – 324 с.
- Иессен А.А.** К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР / А.А. Иессен // СА. – 1953. – Т. 18. – С. 112-131.
- Иессен А.А.** Некоторые памятники VIII-VII вв. до н.э. на Северном Кавказе / А.А. Иессен // Вопросы скифо-сарматской археологии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 112-131.
- Итина М.А.** Саки Нижней Сырдарьи (по материалам памятника Южный Тагискен) / М.А. Итина, Л.Т. Яблонский. – М.: Росспэн, 1997. – 187 с.
- Ковпаненко Г.Т.** Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось / Г.Т. Ковпаненко. – К., 1981. – 160 с.
- Ковпаненко Г.Т.** Новые погребения раннего железного века в Поросье / Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый // Древности скифов. – К., 1994. – С. 31-63.
- Ковпаненко Г.Т.** Погребение воина у с.Квитки в Поросье / Г.Т. Ковпаненко, Н.Д. Гупало // Вооружение скифов и сарматов. – К., 1984. – С. 39-58.
- Козенкова В.И.** Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели) / В.И. Козенкова // Скифский мир. – К.: Наук. думка, 1975. – С. 52-73.
- Колотухин В.А.** Обследование памятников предскифского и раннескифского времени в Крыму / В.А. Колотухин // СА. – 1982. – № 1. – С. 105-119.
- Кузьмина Е.Е.** Конь в религии и искусстве саков и скифов / Е.Е. Кузьмина // Скифы и сарматы. – К.: Наук. думка, 1977. – С. 96-119.
- Курочкин Г.Н.** Скифское искусство звериного стиля и художественные бронзы Луристана / Г.Н. Курочкин // РА. – 1992. – № 2. – С. 105-124.
- Ловпаче Н.Г.** Могильники в устье реки Псекупса / Н.Г. Ловпаче // Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп, 1985. – С. 16-64.

Лопатин В.А. Покровский культурный комплекс поселения Нижняя Красавка-II (по материалам исследований 2007-2009 годов) / В.А. Лопатин // АВЕС. – Саратов, 2010. – Вып. 8. – С. 126-156.

Медведская И.Н. Конский убор из могильника Сиалк В / И.Н. Медведская // *Iranica Antiqua*. – XVIII. – 1983. – P. 59-79.

Медведская И.Н. Сиалк В и Хасанлу IV: вопросы хронологии / И.Н. Медведская // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. – М., 2005. – С. 107-126.

Погребова М.Н. История Восточного Закавказья. Вторая половина II – начало I тыс. до н. э. / М.Н. Погребова. – М.: Вост. литература, 2011. – 422 с.

Погребова М.Н. Ранние скифы и древний Восток: К истории становления скифской культуры / М.Н. Погребова, Д.С. Раевский. – М.: Наука, 1992. – 260 с.

Полидович Ю.Б. Зооморфно оформленные псалии как феномен скифской эпохи / Ю.Б. Полидович // АА. – Вып.15: Псалии. – Донецк, 2004. – С. 143-165.

Романчук А.А. Три кита раннескифской культуры на волнах иллирийской экспансии / А.А. Романчук // *Stratum plus*. – № 3. – СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. – С. 260-273.

Сазонов А.А. К вопросу о хронологии протомеотских колесничных наборов в эпоху киммеро-скифских походов / А.А. Сазонов // Новые исследования археологов России и СНГ. – СПб., 1997. – С. 86-91.

Сазонов А.А. Могильник Чишхо: поздние протомеоты и раннескифские древности / А.А. Сазонов // XX юбилейные международные “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. – Ставрополь, 1998. – С.114-116.

Сазонов А.А. Хаджохские курганы – некрополь древнемеотских вождей / А.А. Сазонов // Информационно-аналитический вестник. – Майкоп, 2000. – С. 42-67.

Сазонов А.А. Бронзовые скипетры протомеотских вождей / А.А. Сазонов // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – Армавир, 2006. – Вып. 6. – С. 33-59.

Смирнов Н.Ю. Псалии аржанского типа (опыт классификации и типологии) / Н.Ю. Смирнов // Альманах молодых археологов. 2005. – СПб., 2005. – С. 67-80.

Смирнов Н.Ю. На чем ездил аржанский “царь”? / Н.Ю. Смирнов // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: матер. междунар. науч. конф., посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. – СПб.: ИИМК РАН, “Периферия”, 2012. – Кн. 2. – С. 424-431.

Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье / А.И. Тереножкин. – К., 1961. – 248 с.

Тереножкин А.И. Дата мингечаурских удил / А.И. Тереножкин // СА. – 1971. – № 4. – С. 71-84.

Тереножкин А.И. Киммерийцы / А.И. Тереножкин. – К., 1976. – 220 с.

Толстов С.П. Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена) С.П. Толстов, М.А. Итина // СА. – 1966. – № 2. – С. 151-175.

Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа / П.С. Уварова // МАК. – Вып. 8. – М., 1900. – 510 с.

Фиалко Е.Е. Нагайка из Бердянского кургана / Е.Е. Фиалко // ДСПК. – 1993. – Вып. IV. – С. 197-200.

Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник / Н.Л. Членова. – Новосибирск: Наука, 1984. – 100 с.

Чшиев Х.Т. Новые уздечные комплексы из памятников кобанской культуры предскифского- раннескифского времени Северной Осетии / Х.Т. Чшиев // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. – Грозный; М., 2011. – С. 165-172.

Ши-цзин. Ода царскому наставнику Чжун Шань-фу // Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х томах. – Т. 1. – М., 1972. – С. 78-99.

Шульга П.И. О находках нагаек скифского времени на Алтае / П.И. Шульга // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 183-189.

- Шульга П.И.** Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. – Ч. I: Раннескифское время / П.И. Шульга. – Барнаул, 2008. – 276 с.
- Эрлих В.Р.** К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского времени / В.Р. Эрлих // СА. – 1990. – № 1. – С. 247-250.
- Эрлих В.Р.** У истоков раннескифского комплекса / В.Р. Эрлих. – М., 1994. – 145 с.
- Эрлих В.Р.** Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников / В.Р. Эрлих. – М., 2007. – 430 с.
- Abramischwili R.** Neue Angaben über die Existenz des thrako-kimmerischen Elements und des sog. skythischen Reiches im Osten Transkaukasiens / R. Abramischwili // Archäologischer Anzeiger. – Berlin, 1995.
- Bomford J.** Exhibition of ancient Persian bronzes and other selected items of ancient art from the Collection of Mrs. Brenda Bomford / J. Bomford. – Oxford, 1966. – 121 p.
- Calmeyer P.** Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanshah / P. Calmeyer. – Berlin, 1969. – 202 S.
- Chochorowski J.** Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej / J. Chochorowski. – Kraków, 1993. – 327 s.
- Curtis J.** Ancient Caucasian and Related Material in The British Museum / J. Curtis, M. Kruszyński // The British Museum Occasional Paper. – No. 121. – London: The Trustees of the British Museum, 2002. – 121 p.
- Gallus S.** Un peuple cavalier prescythique en Hongrie / S. Gallus, T. Horvath // Dissertationes Pannonicae. – Ser. II. – № 9. – Budapest, 1939. – 167 p.
- Hase F.-W. von** Die Tensen der Früheisenzeit in Italien / F.-W. von Hase // Prähistorische Bronzefunde. – XVI/1. – München, 1969.
- Janzen U.** Ägyptische und Orientalische Bronzen aus dem Heraion von Samos / U. Janzen // Samos. – Bd. VIII. – Bonn, 1972. – 108 S.
- Kaus M.** Kimmerischer Pferdeschmuck im Karpatenbecken – Das Stillfrieder Depot aus neuer Sicht / M. Kaus // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. – Bd. 118/119. – Wien, 1988/89. – S. 247-257.
- Mahboubian H.** Art of ancient Iran: copper and bronze: the Houshang Mahboubian family collection / H. Mahboubian. – L.; NY, 1997. – 345 p.
- Medvedskaya I.N.** Who Destroyed Hasanlu IV? / I.N. Medvedskaya // Iran. – Vol. XXVI. – 1988. – P. 1-15.
- Metzner-Nebelsick C.** Aspects of Mobility and Migration in the Eastern Carpathian Basin and Adjacent Areas in the Early Iron Age (10th -7th centuries BC) / C. Metzner-Nebelsick // Prace Archeologiczne. No. 63: Studies Migration in Bronze and Early Iron Age Europe. – Kraków, 2010. – P. 121-152.
- Moorey P.R.S.** Catalogue of the Ancient Persian Bronzes in the Ashmolean Museum / P.R.S. Moorey. – Oxford, 1971. – 341 p., 85 plates.
- Moorey P.R.S.** Ancient Persian bronzes from the island of Samos / P.R.S. Moorey // Iran. – Vol. XII. – 1974. – P. 190-195.
- Muscarella O.W.** Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art / O.W. Muscarella. – New York, 1988. – 504 p.
- Nestor J.** Zu den Pferdegeschirrbronzen aus Stillfried a.d. March, N.-Ö / J. Nestor // Wiener Prähist. Zeitschr. – 21. – Wien, 1934. – S. 108-130.
- Pittioni R.** Urgeschichte des Österreichischen Raumes / R. Pittioni. – Wien, 1954. – 260 S.
- Porada E.** The Art of Ancient Iran. Pre-Islamic Cultures / E. Porada. – NY, 1962. – 280 p.
- Potratz J.** Die Pferdetranssen des Alten Orient / J. Potratz // Analecta Orientalia. – XLI. – Rome, 1966. – 292 p.
- Werner J.** Bronzenes Pferdekopfszepter der Hallstattzeit aus Predmice bei Hradec Králové / J. Werner // Památky Archeologické. – T. LII. 2. – Praha, 1961. – S. 384-389.